

Ася Ападжалова —

магистрант программы
«Индустрия моды: теории
и практики» Fashion Studies
(МВШСЭН), исследователь
моды, коллекционер
винтажной одежды.

Материальные свидетели и память о женщинах ГУЛАГа

Материал.
**Международный
Мемориал, Москва.
6 октября 2021 —
15 марта 2023**

* Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» признано в Российской Федерации некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

Открывшаяся в музейном зале Международного Мемориала* выставка «Материал», посвященная памяти женщин, репрессированных по политическим статьям и прошедших сталинские лагеря, — результат практически двадцатилетней работы. В отличие от арестантов-мужчин, оставивших обширную переписку с семьями, наиболее интересные предметы, связанные с арестантками-женщинами, имеют материальный характер. Это латаные-перелатанные предметы одежды, вышитые подарки детям и друг другу, образцы работы лагерных швейных фабрик (иллюстрации см. во вклейке 4). Если письма были изданы в виде книги, то вопрос, как увековечить материальную память об узницах ГУЛАГа, оставался открытым. Несмотря на то что многие из представленных на выставке предметов находятся в собрании Международного Мемориала уже не одно десятилетие, проект сложился только сейчас — при активном соучастии кураторов и дизайнеров, нашедших подходящую форму для непростой идеи. Суть идеи в том, чтобы личные вещи узниц рассказали истории своих владельцев или хотя бы подсветили отдельные части их биографий. Название

«Материал» многозначно. Это и материальные свидетельства лагерных лет, это и материал в значении «текстиль», это и «человеческий материал» — как цинично могли называть узников лагерей. Все эти смыслы раскрыты в экспозиции.

Материал как текстиль — это практически про каждый экспонируемый предмет. Одежда — это последняя граница между телом человека и окружающим миром. В мирное время одежда может указывать на социальный статус, достаток и личный вкус. В условиях же намеренного расчеловечивания, когда одеждой премируют или наказывают, немногие оставшиеся вещи фактически являются продолжением личности: человек тщательно их чинит, срастаясь с ними психологически; одежда деформируется, приобретая формы тела владельца. Последняя граница истончается, притираясь, с одной стороны, к телу, а с другой стороны, к окружающему миру. Этой границы уже почти нет — или она, наоборот, становится еще одной оболочкой, второй кожей, помогающей пережить тяготы и лишения? В экспозиции рассмотрены роли одежды и прочих текстильных вещей на разных этапах лагерной биографии их владельцев.

Выставка занимает всего один зал. Второй зал, очень маленький, размером с тюремную камеру, оставлен пустым: там звучат аудиозаписи интервью с бывшими узницами ГУЛАГа. Оформление основного зала решено в сером цвете, ассоциирующемся с самыми неудобными аспектами советского прошлого. Но серый — это еще и цвет тюремных стен и монохромных фотоснимков в личных делах. Прямо на стенах, вперемежку с пояснительными текстами, нацарапаны цитаты из дневников репрессированных женщин. Экспонаты помещены в рамки и выставлены на «витрине», роль которой играет стена из массивных серых бетонных блоков. Холодные и грубые на ощупь, блоки контрастируют с нежными и хрупкими экспонатами: вышивками, тканевыми игрушками, записками, написанными тушью на обрывках ткани; блузками, платьями, чулками, вязаными теплыми кофтами. Тема одежды, материала, нити, рукоделия связывает не только все предметы экспозиции, но и раскрывается в самом оформлении выставки.

Каждая тема — арест и обыск, содержание в тюрьме и следствие, этапирование в место лишения свободы, лагерный быт, насилие со стороны уголовных, освобождение, реабилитация и память о прошлом — представлена в виде образов, связанных с текстилем и рукоделием. Названия этих подтем обозначены и по краям постеров с пояснительными текстами: «отрез», «узел», «ветошь», «нити», «петля», «шов». Они же продублированы в виде слов на суровой кирпичной кладке витрины, помогая ориентироваться в экспонатах.

Так, воспоминания об аресте и заключении в следственный изолятор обозначены словом «отрез». Линия отреза на модной выкройке или отрез ткани — понятия из мирной жизни. Арест буквально отрезал женщину не только от семьи, работы, привычной социальной среды, но и фактически расчеловечивал ее. При поступлении в изолятор вся одежда подвергалась насилию: выпускались резинки и шнуры из юбок, белья, чулок, изымались шнурки из обуви, отпарывались пуговицы, извлекались ленты и шпильки из волос. Этот первичный ритуал, меняющий форму и функциональные качества одежды, заметно осложнявший последующее ношение этих предметов, фактически предупреждал о том насилии, которому могла подвергнуться сама женщина. Как правило, выручали сокамерницы. Те, кто уже немного привык к тюремному быту, помогали новопривывшим справиться с новыми условиями телесности: подогнать одежду так, чтобы в ней можно было ходить, испытывая меньше неудобства, помочь сделать иголку из спички или научить вытягивать нитки для штопки из своей одежды.

Поражает то, что в условиях пыточных допросов и ужасающего быта женщины сохраняли установки, связанные с правилами ношения одежды. Один из самых впечатляющих экспонатов выставки — платье для допросов. Владелица платья — искусствовед Валентина Антонова-Буханевич — была арестована в театре, то есть попала в следственный изолятор в выходном легком платье из крепа. Так как женщина отказалась сотрудничать со следствием, вины не признала и никого не назвала, к ней применили административную меру: запрет на передачу и покупку любых вещей. Весь год, который она провела в московских тюрьмах, она не имела никакой смены одежды, кроме этого платья и мужских кальсон, которые ей достали сокамерницы. Однако Валентина сохранила привычку переодеваться при выходе на люди: платье, уже расплывшееся, посаженное на подкладку из тюремных полотенец, все в рубцах штопки, она надевала на допросы и снимала в камере. Если платье может рассказать правду о своем владельце, то это платье — слепок всего пережитого. Чудом освободившись через год и вернувшись к искусствоведческой работе, Валентина сохранила платье для потомков, сравнивая его ценность с ценностью произведений искусства.

История преследования Валентины была сравнительно короткой. Большинство женщин после следствия отправлялись по этапу в лагерь. На этапе осужденные по политическим статьям впервые сталкивались с уголовницами. Те отбирали у них лучшую одежду, деньги и еду. На этапе женщины старались надеть на себя все свои вещи:

так они снижали риск отъема одежды, улучшали терморегуляцию и боль при падении. Одежда превращалась в панцирь, вроде домика, который носит черепаха. По прибытии в лагерь многие арестантки писали домой просьбу прислать одежду похуже, темного цвета, некачественную — главное, теплую. Такое саморегулирование внешнего вида было вызвано в первую очередь стремлением обезопасить себя от воровства уголовниц. Тем не менее всех узниц будоражил вопрос внешности: одна из них пишет, что на этапе впервые их партии встретилось зеркало. Возбужденные женщины побежали смотреться в него, и она тоже — но узнала себя не сразу: постаревшая и вымотанная, она сперва приняла себя за... свою мать. Зеркало, хоть и раскрыв неприглядную тайну, вернуло женщинам их тела и лица, напомнило им, кто они и как выглядят.

Важной частью экспозиции является текстильное рукотворчество женщин в системе ГУЛАГа. В АЛЖИРе и некоторых других лагерях действовали швейные фабрики с цехами самого разного толка: вышивальные, швейные, ремонтные, утилизирующие. Работницы обязаны были выдавать норму: за выполнение 100% причитался обычный паек. Ударницам и стахановкам паек увеличивали, а под праздник могли премировать новой телогрейкой. Одежда играла роль наказания и привилегии одновременно: обезличивающая телогрейка и унижала, и давала шанс выжить. После работы узницы занимались починкой своей одежды или рукоделием. Те, кто мог переписываться с детьми, вышивал для них сувениры: от блузок (из куска своего шарфа) до салфеточек или книжек. Рукоделие, несомненно, обладало терапевтическим свойством, помогая на время отключиться от страшной действительности.

Вышивальным цехом Акмолинской фабрики заведовала Вера Николаевна Бекзадян. Она создала каталог вышивок для своих сотрудниц. Блузки, рубашки и декоративные салфетки, вышитые руками заключенных женщин, потом продавались в обычных магазинах страны. Один из редчайших счастливых случаев: освободившись, Вера Николаевна поступила на Высшие курсы кройки и шитья, получила диплом с отличием, работала в ВИАлегрепроме, где застала начинающего модельера Зайцева. Чаще всего долгожданное освобождение оборачивалось новыми трагедиями.

«Шов» — финальная часть экспозиции, посвященная попыткам освободившихся узниц влиться в свободную жизнь. Даже если справка об освобождении была получена и обменена на паспорт — в нем все равно отмечались «минусы»: невозможность жить в больших городах или заниматься тем или иным трудом. Дети зачастую не узнавали

мам: постаревшие, тревожные женщины со сломанной психикой и с социальными ограничениями — порой они становились обузой и горьким разочарованием для родных.

Одной из самых навязчивых черт бывших узниц были их приобретенные телесные привычки. Например, прятать самое ценное не в карман или в сумочку, а в лифчик. Именно туда, на радостях, бывшая узница прячет справку о полной реабилитации, полученную через несколько лет после освобождения, в эпоху оттепели...